

Интеллектуальная техника и угрозы для субъектности человека

А.В. Кравец

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье анализируется влияние современных интеллектуальных технологий на человеческую субъектность через призму философской рефлексии XX века. Исследуется трансформация отношений между человеком и техникой в условиях, при которых технологические системы выходят за рамки традиционного понимания техники как простого расширения человеческих возможностей. Опираясь на концептуальный аппарат философии техники (М. Хайдеггер, Х. Ортега-и-Гассет, Ж. Эллюль, Г. Маркузе), автор выделяет три ключевых аспекта этой трансформации. Во-первых, рассматривается процесс превращения различных составляющих человеческой деятельности (когнитивных процессов, эмоциональных реакций, социальных отношений, творчества) в «состоящее-в-наличии» (Bestand) для технологических систем. Во-вторых, анализируется феномен эрозии практик воспроизводства и развития человеческого опыта, проявляющийся в стандартизации когнитивных процессов, формировании интеллектуальной зависимости и культурной унификации. В-третьих, исследуется проблема технологического детерминизма, который в контексте интеллектуальных технологий приобретает характер не просто внешнего ограничения, но активного конструирования человеческой субъектности. Особое внимание уделяется анализу механизмов, посредством которых интеллектуальные технологии трансформируют процессы формирования идентичности, принятия решений и социального взаимодействия. Кроме того, рассматривается межсубъектное взаимодействие человека и интеллектуальной техники, т.к. нарушение баланса в этом взаимодействии может привести к утрате человеком своей субъектности. В заключении обоснована необходимость разработки новых подходов к правовому регулированию интеллектуальных технологий, которые позволили бы сохранить баланс между технологическим развитием и поддержанием человеческой автономии. Автор приходит к выводу о том, что проблема взаимоотношений между человеком и интеллектуальными технологиями становится центральным вопросом современной философской антропологии: сохранение человеческой субъектности в эпоху искусственного интеллекта потребует критического переосмысления и частичной трансформации традиционных представлений о человеческой природе, ценностях и нормативных основаниях человеческой деятельности.

Ключевые слова: философия техники, философская антропология, искусственный интеллект, технологический детерминизм, постав, постиндустриальное общество, цифровизация, цифровая социализация, алгоритмические системы, автономия личности.

Кравец Александр Васильевич – аспирант сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Институт философии РАН.

89031503674@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0002-5250-6591>

Для цитирования: *Кравец А.В.* Интеллектуальная техника и угрозы для субъектности человека // Философские науки. 2024. Т. 67. № 3. С. 123–141.
DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-3-123-141

Intelligent Technology and Threats to Human Subjectivity

A.V. Kravets

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the impact of contemporary intellectual technologies on human subjectivity through the lens of 20th-century philosophical reflection. It explores the transformation of the relationship between humans and technology in a context where technological systems transcend the traditional understanding of technology as merely an extension of human capabilities. Drawing on the conceptual framework of the philosophy of technology (M. Heidegger, J. Ortega y Gasset, J. Ellul, H. Marcuse), the author identifies three key aspects of this transformation. First, the article considers the process by which various facets of human activity – cognitive processes, emotional reactions, social relationships, and creativity – are transformed into “standing-reserve” (*Bestand*) for technological systems. Second, it analyzes the phenomenon of the erosion of practices that reproduce and develop human experience, as evidenced by the standardization of cognitive processes, the emergence of intellectual dependency, and cultural homogenization. Third, it investigates the problem of technological determinism, which, in the context of intellectual technologies, takes on the character of not merely an external constraint but an active construction of human subjectivity, agency. Special attention is given to the mechanisms through which intellectual technologies transform processes of identity formation, decision-making, and social interaction. Furthermore, the article considers the intersubjective interaction between humans and intellectual technology, emphasizing that an imbalance in this relationship may lead to the erosion of human subjectivity. In closing, the article advocates for the development of new approaches to the legal regulation of intellectual technologies to preserve the balance between technological advancement and the maintenance of human autonomy. The author concludes that the relationship between humans and intellectual technologies has become a central issue in contemporary philosophical anthropology: preserving human subjectivity in the era of artificial intelligence will require a critical rethinking and partial transformation of traditional conceptions of human nature, values, and the normative foundations of human activity.

Keywords: philosophy of technology, philosophical anthropology, artificial intelligence, technological determinism, Gestell, post-industrial society, digitalization, digital socialization, algorithmic systems, personal autonomy.

Alexander V. Kravets – Ph.D. Student, Department of Interdisciplinary Problems in the Advance of Science and Technology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

89031503674@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0002-5250-6591>

For citation: Kravets A.V. (2024) Intelligent Technology and Threats to Human Subjectivity. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 3, pp. 123–141. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-3-123-141

Введение

Технологическая революция, начавшаяся в эпоху модерна, неизменно вызывала философские опасения относительно своего дегуманизирующего потенциала. Если ранее подобные тревоги можно было отнести к разряду алармистских, то современная эволюция технологий превратила многие философские предсказания из метафорических предупреждений в осязаемую реальность. Предсказания таких философов, как Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер, Г. Маркузе, Ж. Элльюль и др., приобрели новую актуальность в контексте современных интеллектуальных технологий, особенно систем искусственного интеллекта.

Традиционное понимание техники как продолжения человеческого тела, как органопроекции, предложенное немецким философом Э. Каппом [Карп 1877], может казаться все менее убедительным перед лицом современных разработок. Сегодняшние интеллектуальные технологии демонстрируют беспрецедентную автономность в процессах принятия решений, распознавания паттернов и даже в творческих начинаниях, что ставит фундаментальные вопросы о взаимоотношениях между человеческой и технологической субъектностью.

Актуальность этих вопросов усиливается стремительным развитием систем искусственного интеллекта, которые не только расширяют, но и все чаще направляют и формируют человеческие когнитивные процессы. Современные технологические системы превращают человеческий опыт, предпочтения и поведение в материал для алгоритмической обработки, фундаментально изменяя природу человеческой субъектности и автономии. Эта трансформация выходит за рамки простой технологической помощи, ставя под вопрос основания человеческой субъектности.

В настоящей работе анализируются импликации интеллектуальной технологии через призму рефлексии философов XX века. Их критика техники, хотя и сформулированная в более раннем технологическом контексте, предоставляет важные теоретические рамки для понимания современных вызовов. Исследуя то, как современные интеллектуальные технологии потенциально ограничивают человеческую субъектность, данный анализ стремится внести вклад в наше понимание эволюционирующих отношений между человеческой субъектностью и интеллектуальными технологическими системами. Понимание природы и механики этих ограничений необходимо для того, чтобы в дальнейшем выработать меры, которые необходимы для сохранения человека как субъекта целеполагания, для сохранения его свободы в практиках когнитивной деятельности, социальных отношений и творческого самовыражения.

Интеллектуальная техника как постав

Концепция постава (Gestell), предложенная Хайдеггером, приобретает особую актуальность в контексте современных интеллектуальных технологий. Хайдеггер осуществляет фундаментальное переосмысление сущности техники, отвергая привычное «инструментальное и антропологическое определение техники», согласно которому она служит лишь средством человеческой деятельности. Как утверждает философ, «техника не то же, что сущность техники». Более того, «сущность техники вовсе не есть что-то техническое». Центральным в понимании техники у Хайдеггера становится понятие постава (Gestell): «По-ставом мы называем собирающее начало той установки, которая ставит, т.е. заставляет человека выводить действительное из его потаенности способом поставления его как состоящего-в-наличии (Bestand)» [Хайдеггер 1986, 55]. При этом человек оказывается захвачен этим процессом: «Захваченный поставляющим производством, человек стоит внутри сущностной сферы постава». Хайдеггер видит в этом фундаментальную опасность: «Господство по-става грозит той опасностью, что человек окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаенного и услышать голос более ранней истины» [Хайдеггер 1986, 61]. Это становится особенно актуальным сегодня, когда интеллектуальные технологии и искусственный интеллект начинают определять не только материальное производство, но и процессы мышления, творчества, познания. Однако философ указывает и на возможность спасения, цитируя Гельдерлина: «Но где опасность, там вырастает и спасительное». Это спасительное заключается в возможности нового отношения к технике, которое не сводится ни к слепому принятию, ни к полному отрицанию (в срединном пути, если использовать терминологию А.П. Давыдова). Применительно к современным интеллектуальным технологиям идеи Хайдеггера приобретают особую актуальность. Искусственный интеллект и связанные с ним технологии не просто автоматизируют когнитивные процессы, но формируют новый способ раскрытия действительности. Они превращают человеческое мышление, творчество, социальные отношения в исчислимый ресурс (Bestand) новой цифровой экономики и в целом цифровой, виртуальной системы воспроизводства множества социальных и культурных отношений.

Датафикация человеческого опыта. Экономика информационных технологий построена на превращении процессов, составляющих человеческую деятельность, в структурированные данные. Происходит своеобразная «датафикация» человеческого опыта [Mejías, Couldry 2019], когда осуществляется непрерывный сбор информации о действиях пользователя: от простых кликов и времени, проведенного на веб-страницах, до сложных поведенческих паттернов, отражающих когнитивные и эмоциональные реакции. Чем больше подобных данных

собрано, тем лучше посредством машинного обучения можно натренировать системы искусственного интеллекта на выявление неочевидных корреляций и паттернов в человеческом поведении. Методы глубокого обучения позволяют создавать детальные поведенческие профили, которые могут предсказывать не только потребительские предпочтения, но и более глубокие аспекты личности: политические взгляды, психологические характеристики, межличностные отношения. В результате формируется ситуация, в которой цифровой след человека становится более информативным для алгоритмических систем, чем сознательное самовыражение самого субъекта.

Экономика внимания и эмоциональный Bestand. Если сбор данных представляет собой внешний уровень трансформации человеческого опыта в «составляющее-в-наличии», то следующим, более глубоким уровнем является превращение человеческого внимания и эмоциональных реакций в экономический ресурс. В современной цифровой среде внимание пользователей становится одним из наиболее ценных и дефицитных ресурсов. Этот феномен, получивший название «экономика внимания» (впервые описан [Simon 1971, 40–41]), приобретает новое качество в контексте интеллектуальных технологий, способных к точной калибровке и оптимизации процессов привлечения и удержания внимания [Williams 2018].

Удержание внимание возможно за счет управления механизмами эмоционального реагирования. Трансформация эмоций в Bestand проявляется в нескольких взаимосвязанных аспектах. Во-первых, происходит алгоритмическая оптимизация контента для максимизации эмоционального отклика. Системы машинного обучения анализируют связь между характеристиками контента и эмоциональными реакциями пользователей, создавая все более точные модели эмоционального вовлечения. Во-вторых, формируются замкнутые циклы эмоционального потребления, при которых алгоритмические системы не только отслеживают, но и активно стимулируют определенные эмоциональные состояния.

Прослеживается тенденция к «геймификации» эмоционального опыта. Цифровые платформы внедряют механизмы социального сравнения, системы вознаграждений и другие элементы, заимствованные из игровой индустрии, для создания устойчивых паттернов эмоционального вовлечения. Это приводит к формированию специфической формы «эмоционального капитализма» [Ilouz 2007; Ilouz 2018], при которой эмоциональные реакции не просто отслеживаются и монетизируются, но активно производятся в соответствии с экономическими целями платформ. Интеллектуальная техника оказывается включенной в систему производства и потребления эмоциональных состояний, при этом граница между аутентичным переживанием и алгоритмически индуцированной реакцией становится все более размытой.

Социальные отношения как ресурс. Еще одним уровнем трансформации опыта человеческой субъектности в Bestand является превращение социальных отношений в алгоритмически обрабатываемый ресурс. Социальные сети и платформы создают цифровые репрезентации межличностных связей, превращая сложную ткань человеческих отношений в формализованные, измеримые и управляемые структуры данных [van Dijck et al. 2018]. Рекомендательные системы, основанные на анализе социальных графов, влияют на формирование новых знакомств, создание профессиональных контактов и даже выбор романтических партнеров. Этот процесс «платформизации» социальных отношений выходит за рамки простой цифровизации коммуникации, создавая новую форму социальности, при которой межличностные связи становятся объектом алгоритмического управления и экономических отношений. Значимым аспектом этой трансформации выступает коммодификация социальных взаимодействий. Социальные платформы превращают повседневные акты общения и обмена информацией в источник экономической ценности через механизмы таргетированной рекламы, монетизации контента и торговли данными о социальных связях [Couldry, Mejias 2019]. Формируется инструментальное отношение к социальным связям, при котором их ценность определяется преимущественно их потенциалом быть «оптимизированными» алгоритмами интеллектуальной техники.

Творчество и знание как ресурс совершенствования интеллектуальной техники. Если ранее сферы творчества и производства знаний рассматривались как область исключительно человеческой деятельности, требующей уникальных когнитивных способностей и креативного мышления, то современные системы искусственного интеллекта все активнее вторгаются в эти сферы, превращая творческие и интеллектуальные процессы в алгоритмически воспроизводимые операции [Miller 2019; Computational Creativity... 2019]. Творческие произведения, созданные людьми, становятся «тренировочными данными» для алгоритмических систем, превращаясь из уникальных выражений человеческой субъектности в ресурс для машинного обучения.

В сфере производства знаний наблюдается аналогичный процесс алгоритмизации. Системы обработки естественного языка и анализа данных все чаще используют не только для поиска и систематизации информации, но и для генерации научных гипотез, написания академических текстов и проведения исследований [Буданов 2023, 28–29; Буданов 2024]. Происходит стандартизация творческих и интеллектуальных процессов под влиянием алгоритмических систем. В стремлении оптимизировать производство контента для цифровых платформ и научных баз данных творческие и научные работники все чаще адаптируют свои практики к требованиям алгоритмической видности и рекомендательных систем [Nieborg, Poell 2018]. Это создает

риск формирования «алгоритмической» эстетики и науки, в процессе которого творческие и исследовательские решения определяются не художественными или интеллектуальными соображениями, а метриками эффективности и вовлеченности.

Поскольку результаты творчества и знания начинают функционировать как Bestand, трансформируется отношение к авторству и оригинальности. Происходит фундаментальное переосмысление представлений об уникальности творческого акта и интеллектуальной деятельности. Художественное произведение и научная работа перестают быть исключительно результатом деятельности личности, а становятся продуктом технологизированных интеллектуальных креативных процессов, в которых грань между человеческим и машинным вкладом настолько размывается, что можно говорить о феномене «распределенного» авторства [Goodfellow 2024].

Исследования в сфере машинного обучения и систем искусственного интеллекта становятся ведущим направлением современной науки, привлекая непропорционально большие объемы финансирования по сравнению с другими областями исследований. В результате формируется ситуация, в которой приоритетную ценность приобретает знание, способствующее совершенствованию интеллектуальных технологий. Таким образом, интеллектуальная техника превращается в своеобразный «эпистемический постав», а интеллектуальное наследие и деятельность людей служат ресурсом ее развития. Цифровые технологии способствуют трансформации отношений человека с окружающим миром, что неизбежно затрагивает и природу человека. Именно этот процесс приводит к тому, что вторая природа человека, сформированная культурой и обществом, подвергается угрозе упрощения и стандартизации под влиянием цифровых технологий.

Цифровая примитивизация второй природы человека

Превращение различных аспектов человеческой деятельности в «состоящее-в-наличии» неразрывно связано с процессом дегуманизации, который был предметом критического анализа философов XX века. Например, Ортега-и-Гассет указывал на риски «вертикального варварства» – ситуации, в которой технологический прогресс опережает развитие человеческой культуры и способности к его осмыслению [Ортега-и-Гассет 2000, 92]. Так, испанский философ выделял три исторические стадии развития техники: технику случая (первобытную), технику ремесла (традиционную) и технику человека-техника (современную). На первой стадии технические изобретения были случайными находками, на второй – результатом следования традиции, и только на третьей стадии технику осознают как особую способность человека систематически преобразовывать природу (и в настоящее время, как представляется, это уже не внешняя человеку природа, а природа само-

го человека). В современной технике философ видит и достижения, и опасности. С одной стороны, она дает небывалые возможности, служит реализации «жизненного проекта» человека, его представлений о благосостоянии и «хорошей жизни». С другой – техника порождает целый ряд рисков для развития человека. Во-первых, это утрата человеком понимания сущности техники. По мере того как техническая среда становится все более развитой и всеохватывающей, человек начинает воспринимать ее как нечто естественное и самоочевидное, подобно тому как первобытный человек воспринимал природу («человек пришел к ложной мысли, что и остальное, т.е. все окружающее, подобно такой изначальной природе... это вовсе не то, что сначала нужно было произвести» [Ортега-и-Гассет 2000, 23]). Это ведет к забвению того факта, что техника – продукт человеческого духа и культуры, требующий постоянного поддержания духовных условий. Во-вторых, если ранее инструмент был продолжением человеческого тела и подчинялся ремесленнику, то теперь «не орудие служит человеку, а наоборот: человек – придаток машины». Это ведет к отчуждению человека от технического процесса и утрате им роли подлинного субъекта технической деятельности. В-третьих, избыточное развитие техники может привести к «опустошению человеческой жизни». Поскольку техника сама по себе является лишь чистой возможностью и не определяет содержания жизни, чрезмерная вера в технику при утрате других жизненных ориентиров ведет к экзистенциальной пустоте («быть техником и только техником означает иметь возможность быть всем и, следовательно, ничем» [Ортега-и-Гассет 2000, 221]). Технический прогресс вызывает «кризис желаний» – утрату современным человеком способности формировать подлинные жизненные проекты, которые только и могут придать смысл техническому развитию. Каждый новый технологический этап строится на фундаменте достижений предыдущих эпох, и то, что раньше считалось самоценностью, на новом этапе может превратиться в ресурс или оказаться забытым. Способность человека отходить от стандартных шаблонов мышления подвергается давлению со стороны цифровой среды, и любое проявление креативности вне рамок взаимодействия с техносферой рискует быть гильотинированным за ненужность.

Стандартизация когнитивных процессов. Этот феномен проявляется в формировании устойчивых паттернов мышления и познания, опосредованных алгоритмическими системами. Если традиционные формы стандартизации мышления, описанные в работах критической теории (франкфуртская школа), связаны преимущественно с массовой культурой и бюрократическими системами, то современные интеллектуальные технологии создают более глубокий и систематический эффект когнитивной унификации. Важным механизмом стандартизации является алгоритмическая медиация познавательных процессов.

Поисковые системы, рекомендательные алгоритмы и системы автоматической обработки информации формируют устойчивые паттерны информационного поведения, то, что можно условно назвать «алгоритмическими привычками мышления», т.е. упрощением сложных проблем до уровня, поддающегося алгоритмической обработке, и предпочтением легко квантифицируемых решений над качественными оценками.

Тревогу вызывает влияние алгоритмических систем на процессы категоризации и концептуализации опыта. Человеческое понимание основано на сложном взаимодействии явного и неявного знания (М. Полани), контекстуального восприятия и интуитивного схватывания ситуации. Однако алгоритмические системы ввиду своей архитектуры требуют формализации знания в четкие, дискретные категории. Это создает тенденцию к редукции многомерного человеческого опыта к набору стандартизированных параметров.

Процесс когнитивной стандартизации усиливается через механизмы «алгоритмического обучения» [Perrotta, Williamson 2016]. Образовательные платформы и системы управления обучением все чаще используют алгоритмические методы для оптимизации образовательного процесса, что приводит к стандартизации не только содержания обучения, но и самих способов усвоения и обработки информации [Hughes 2001]. В результате формируются унифицированные модели когнитивного развития, ориентированные на эффективность и измеримость результатов, но потенциально ограничивающие развитие нестандартных форм мышления.

Интеллектуальная зависимость и депрофессионализация. Формирование интеллектуальной зависимости от алгоритмических систем может приводить к депрофессионализации в различных сферах деятельности. В отличие от традиционных форм технологической зависимости, современная ситуация характеризуется тем, что интеллектуальные технологии не просто дополняют, но все чаще замещают базовые когнитивные операции и профессиональные компетенции. Феномен интеллектуальной зависимости проявляется прежде всего в ослаблении способности к автономному решению задач. Регулярное использование интеллектуальных систем поддержки принятия решений может приводить к атрофии навыков самостоятельного анализа и критического мышления [Carr 2014]. Можно говорить о новом виде прокрастинации, при котором наиболее сложные аспекты профессиональной деятельности отданы на выполнение искусственным системам, что приводит к формированию психологического барьера к решению сложных задач. Человек, оказавшись в зависимости от систем искусственного интеллекта, впадает в стресс в ситуации, если задачу приходится решать самостоятельно [Ahmad et al. 2023].

Трансформация профессионального знания под влиянием интеллектуальных технологий затрагивает и процесс профессиональной

подготовки. Наблюдаются два противоположно направленных процесса: повышение эффективности профессиональной деятельности за счет использования интеллектуальных технологий и снижение уровня реальной профессиональной компетентности [Казарян 2023, 215]. Это ставит вопрос о необходимости разработки новых подходов к профессиональному развитию, которые позволили бы сохранить баланс между использованием преимуществ интеллектуальных технологий и поддержанием автономной профессиональной компетентности.

Культурная унификация и гомогенизация. Массовое использование и внедрение в различные информационные продукты систем искусственного интеллекта, построенных как на алгоритмической, так и на нейросетевой архитектуре, носит глобальный характер, практически не учитывающий специфику локальных культур. Если традиционные процессы глобализации и массовой культуры сохраняли пространство для культурного разнообразия, то алгоритмическая медиация культурного производства и потребления создает более глубокий и систематический эффект гомогенизации.

Ключевым механизмом этого процесса служит алгоритмическая оптимизация культурного контента. Глобальные цифровые платформы, стремясь максимизировать вовлеченность пользователей, создают системы рекомендаций, которые неизбежно фаворизируют определенные форматы и стили культурного выражения [Jin 2020, 6–7]. Это приводит к формированию того, что можно назвать «алгоритмической эстетикой» – набора культурных форм, оптимизированных для распространения через цифровые платформы. Опасения вызывает влияние алгоритмических систем на локальные культурные контексты. Американский исследователь Т. Стрипас вводит понятие «алгоритмическая культура», описывая ситуацию, в которой локальные культурные практики и формы знания постепенно вытесняются стандартизированными форматами, соответствующими логике цифровых платформ [Striphas 2015]. Происходит не просто замещение традиционных культурных форм, но и трансформация способов культурного производства и трансляции. Значимым аспектом культурной унификации является трансформация темпоральности культурного опыта. Алгоритмические системы, оптимизированные для максимизации вовлеченности, создают «социальное ускорение» [Rosa 2013], ускоренное культурное потребление, что препятствует формированию глубоких культурных смыслов и устойчивых культурных практик.

Процесс культурной унификации усиливается через механизмы «цифровой социализации» [Солдатова, Войскунский 2021]. Социальные сети и цифровые платформы становятся основным пространством культурного обмена и формирования идентичности, особенно для молодого поколения. Алгоритмические системы, управляющие этими платформами, создают глобальные унифицированные паттерны

социального взаимодействия и культурного потребления, которые постепенно вытесняют локальные формы социальности. Таким образом, при видимом увеличении разнообразия доступного культурного контента происходит стандартизация форм культурного производства, потребления и воспитания. Это ставит фундаментальный вопрос о возможности сохранения культурной аутентичности и разнообразия в условиях всепроникающей технологизации и медиатизации культурного опыта. Данная тенденция ведет к усилению контроля над обществом через технологии, что делает проблему технологического детерминизма особенно значимой.

Технологический детерминизм

В контексте развития интеллектуальных технологий актуальность приобретает проблема технологического детерминизма, опасность которого обсуждалась еще до распространения информационных технологий. Французский философ Ж. Эллюль писал о формировании автономной «технологической системы», которая развивается по собственной логике и навязывает свои императивы всем сферам человеческой жизни. Эллюль определяет технику как «совокупность рационально разработанных методов, обладающих абсолютной эффективностью (для данной стадии развития) во всех областях человеческой деятельности» [Ellul 1964, xxv]. Принципиально важным в его концепции является понимание техники не просто как набора инструментов или машин, а как всеобъемлющей системы, которая развивается по собственным законам и обладает автономностью («техника в конечном итоге зависит только от себя, она прокладывает свой собственный путь, это первичный, а не вторичный фактор») [Ellul 1980, 125]. Техника, по Эллюлю, выступает как посредник между человеком и его естественной средой. Посредничество становится тотальным, вытесняя остальные формы взаимодействия человека с природой: поэтические, магические, мифологические, символические. В результате техника превращается в единственный и всеобъемлющий способ взаимодействия человека с миром. Еще одна важная характеристика техники, по Эллюлю, – это ее универсальность. Технологическая система распространяется по всему миру, независимо от политических режимов, культурных традиций или уровня экономического развития, что приводит к глобальной унификации образа жизни, культуры и мышления людей. Однако эта универсальность не означает объединения человечества, а наоборот, может усиливать конфликты и неравенство между странами. Наконец, Эллюль пишет о тотализации техники, о том, что техника стремится охватить все сферы жизни, превращая объекты и процессы в технологические. Это приводит к созданию тотальной технологической системы, которая контролирует все аспекты челове-

ческого существования. В результате человек теряет автономность и становится частью такой системы.

Тема детерминации человека техникой получает развитие и в работе «Одномерный человек» Г. Маркузе. В анализе техники он исходит из того, что в современном обществе техника перестает быть лишь набором нейтральных средств и инструментов, а превращается в форму социального контроля и господства: «Технологическая рациональность становится политической рациональностью» [Маркузе 1994, XX]. Техника воплощает в себе проект организации природы и общества, направленный на установление тотального господства. Технологическая рациональность создает «одномерного человека» – человека, полностью интегрированного в существующую политическую систему. При этом техническое развитие делает возможным и иной проект, в частности проект освобождения человека и создания «умиротворенного существования». Однако существующее общество блокирует реализацию таких возможностей. Технологическая рациональность ограничивает способность человека к трансцендированию существующего порядка – к представлению и созданию качественно иных форм жизни. Важным аспектом является то, что технологическая рациональность создает иллюзию свободы при фактическом усилении несвободы. Она блокирует «двухмерное», диалектическое мышление, способное видеть противоречия действительности и альтернативные возможности развития. Применительно к современной интеллектуальной технике (искусственному интеллекту, алгоритмическим системам и т.д.) анализ Маркузе, несмотря на свой, возможно, излишне политизированный характер, остается актуальным. Эти технологии также воплощают в себе проект социального контроля и господства, трансформируя человеческое сознание и поведение. Они создают новые формы зависимости и несвободы, маскируя их под рациональность и эффективность. Такие же технологии потенциально могли бы служить освобождению человека, но пока даже на концептуальном уровне нет консенсуса относительно вопроса о том, что предполагает свобода в эпоху искусственного интеллекта и цифровизации всех сфер жизни.

Эрозия человеческой агентности и автономии. Если традиционные формы технологической детерминации ограничивали свободу действия преимущественно в материальной сфере, то современные интеллектуальные системы воздействуют на процесс формирования намерений и принятия решений. Особенность этого процесса заключается в его незаметности и кажущейся добровольности. Современные системы «подталкивания» (nudging) [Yeung 2017] и персонализированных рекомендаций создают иллюзию расширения возможностей выбора, в то время как фактически происходит сужение горизонта возможных действий до предсказуемого и алгоритмически оптимизированного набора опций. Ш. Зубофф полагает, что сформирован «предсказательный императив»

(prediction imperative), требующий от компаний для генерации прибыли как можно точнее предсказывать поведение пользователей [Zuboff 2019]. При этом интеллектуальные системы, основываясь на анализе больших данных, не просто предсказывают, но активно формируют будущее поведение пользователей через создание ряда условий и стимулов. Все большее количество социальных решений, от выбора партнеров до профессиональных контактов, опосредуется и направляется интеллектуальными технологическими системами.

Традиционное понимание автономии как способности к самостоятельному формированию и реализации намерений требует переосмысления в контексте того, что сами механизмы формирования намерений оказываются объектом технологического воздействия. В качестве одного из решений этой проблемы ведущий специалист в сфере этики искусственного интеллекта Л. Флориди предлагает сохранить за человеком «мета-автономию», или автономию в решении того, что следует или не следует делегировать системам искусственного интеллекта [Floridi 2019, 62].

Итогом описанных процессов является следующее: чем более точными в цифровой среде становятся предсказательные модели, тем менее автономным оказывается поведение субъекта. Возникает своеобразная форма «мягкого детерминизма», при которой свобода выбора формально сохраняется, но фактически ограничивается рамками предсказательных моделей и основанных на них рекомендательных систем. Поэтому особую актуальность приобретает вопрос о разработке новых форм «критической агентности», способных сохранять пространство для автономного действия в условиях всепроникающих искусственных интеллектуальных систем.

От цифрового контроля к цифровому конструированию человека.

В отличие от традиционных форм социального контроля, современные технологии создают возможность не только для тотального наблюдения, но и для активного конструирования человеческой субъектности. То, что М. Фуко называл «микрофизикой» власти, еще глубже проникает ткань социальности. В отличие от классических форм контроля, исходящих от политической власти, тот «микрофизический» характер воздействия на человека, который присущ современной интеллектуальной технике, не связан напрямую с какой-то идеологией и поэтому проникает в общества с разными политическими устройствами. Цифровая среда, созданная этой техникой, служит уже одним из главных факторов формирования идентичности человека. Некоторые исследователи пишут об «алгоритмической идентичностью» – практике категоризации и профилирования пользователей на основе их цифровых следов [Cheney-Lippold 2011]. Эта практика выходит за рамки простого наблюдения, создавая динамические модели идентичности, которые активно влияют на то, как человек воспринимает себя и свои возмож-

ности. Происходит своеобразная «колонизация жизненного мира» (в терминологии Ю. Хабермаса) искусственными интеллектуальными системами, которые трансформируют фундаментальные структуры человеческого существования. Наблюдается то, что можно назвать «техно-социальной рекурсией» – процессом, при котором алгоритмические системы не только реагируют на социальное поведение, но и создают условия для его воспроизводства в определенных формах. Грань между естественным поведением и поведением, индуцированным технологическими системами, становится все более размытой. Социолог Д. Бизр вводит понятие «метрическая власть» [Beer 2016]. Речь идет о власти, основанной на непрерывном измерении и количественной оценке всех аспектов социальной жизни. Возможность быть измеренным становится условием социального существования. Социальный исследователь Л. Амор пишет об «облачной этике» [Amoore 2000] – системе принятия решений, в рамках которой этические суждения встраиваются непосредственно в алгоритмический код и автоматически применяются к множеству случаев без возможности контекстуального пересмотра. Это создает риск формализации и механизации этического мышления.

Остается открытым вопрос о том, будет ли формируемая интеллектуальной техникой социальность гомогенной, т.е. со стертыми различиями между социальными группами. Или, наоборот, будет происходить «алгоритмическое усиление» социальных предубеждений и неравенств [Noble 2018] ввиду того, что системы «алгоритмического управления» будут не только отражать существующие социальные иерархии, но и усиливать их через механизмы автоматизированной категоризации и дифференцированных рекомендаций. И, конечно, возникает вопрос о том, существуют ли принципы, нормы, цели, которые могут остаться основанием для автономии человеческой индивидуальности, сохранить за человеком возможность формировать самого себя в цифровой среде интеллектуальных технологий.

Заключение

Развитие интеллектуальных технологий создает принципиально новую ситуацию в отношениях между человеком и техникой. Если традиционное понимание техники как инструмента или проекции человеческого тела (Э. Капп) могло быть применимо к индустриальным технологиям, то современные интеллектуальные системы выходят за рамки инструментального статуса, формируя автономную технологическую среду, которая преобразует все аспекты человеческого существования и самого человека.

Превращение различных аспектов человеческой деятельности в «состоящее-в-наличии» (Bestand) приобретает новое качество в контексте цифровых технологий. Речь идет уже не просто об инструментальном

использовании ресурсов, но о фундаментальной трансформации человеческой субъектности, когда сами процессы мышления, эмоционального реагирования и социального взаимодействия становятся ресурсом для развития технологических систем. Особую значимость приобретает то обстоятельство, что эта трансформация часто воспринимается не как ограничение, а как расширение возможностей, что затрудняет критическое осмысление происходящих изменений. Процесс эрозии того, что составляет человеческую природу, в контексте интеллектуальных технологий приобретает более сложные и не прямые формы по сравнению с изложенными в рамках философских теорий XX века. Стандартизация когнитивных процессов, интеллектуальная зависимость и культурная унификация реализуются не через прямое подавление человеческих качеств, а через создание условий, в которых определенные формы мышления и поведения становятся более «естественными» и предпочтительными. Сама способность к автономному формированию и реализации человеческого потенциала оказывается под вопросом.

Эта ситуация ставит ряд вопросов, требующих серьезного философского и социального осмысления. Первый связан с возможностью сохранения человеческой автономии и субъектности в условиях всепроникающей алгоритмической медиации. Второй – с поиском форм социальной организации, которые позволили бы использовать преимущества интеллектуальных технологий без утраты существенных человеческих качеств. Третий затрагивает проблему разработки новых форм критического мышления и социальной рефлексии, способных противостоять тенденциям технологического детерминизма.

Изложенная проблематика, от определения статуса и границ человеческой субъектности до поиска форм ее медиации в условиях взаимодействия человека и машины, может быть концептуализирована как поиск меры синтеза человеческого и технологического начал. Поиск «меры совместности» (термин А.П. Давыдова) приобретает сегодня междисциплинарный характер [Давыдов 2023, 145–146, 149]. Как отмечает А.П. Давыдов, в современных условиях техносубъект выступает в качестве Другого, что придает проблеме отношений между «Я» и Другим, поставленной неклассической философской антропологией, новое измерение.

Скорее всего, эти проблемы не могут быть решены только на общественном уровне. Необходимо правовое регулирование разработки и использования интеллектуальных технологических систем. Но для внедрения такого регулирования следует выработать позицию относительно ряда принципиальных аспектов. Первый аспект касается определения правового статуса интеллектуальных систем. Существующие правовые рамки, основанные на традиционном понимании субъектности и ответственности, оказываются недостаточными для регулирования систем, обладающих высокой степенью автономности

в принятии решений. Возникает необходимость разработки новых принципов прав, свобод и ответственности, применимых ко всем новым типам субъектности и агентности. Второй аспект связан с механизмами имплементации правового регулирования на локальном и международном уровнях, поскольку транснациональный характер современных технологических систем создает существенные вызовы для традиционных механизмов правового регулирования, основанных на принципе территориального суверенитета. Третий, наиболее фундаментальный аспект выражен в определении и правовом закреплении границ допустимой технологической медиации человеческой деятельности. Возможно, требуется нормативное определение пределов, за которыми стремление к технологическому удобству и эффективности начинает угрожать человеческой субъектности.

Таким образом, проблема взаимоотношений между человеком и технологиями выходит за рамки сугубо технических или социальных вопросов, становясь центральной проблемой современной философской антропологии. От того, насколько успешно человечество сможет осмыслить и разрешить эту проблему, во многом зависит сохранение качеств и способностей, которые традиционно определяли специфику человеческого существования.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Буданов 2023 – Буданов В.Г. Антропосоциальные вызовы экспансии искусственного интеллекта // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2023. Т. 3. № 2. С. 23–31.

Буданов 2024 – Буданов В.Г. Техносубъект и антропосоциальные проблемы взаимодействия с искусственным интеллектом: синергия, демаркация, новая рациональность, риски // Философские науки. 2024. Т. 67. № 3. С. 27–52.

Давыдов 2023 – Давыдов А.П. Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа. Размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе» // Философские науки. 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159.

Казарян 2023 – Казарян А.Ю. Искусственный интеллект в процессах образования и обучения, положительные и отрицательные стороны // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-2. С. 214–216.

Маркузе 1994 – Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. А. Юдина. – М.: REFL-book, 1994.

Ортега-и-Гассет 2000 – Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / сост. и общ. ред. А.М. Руткевича. – М.: Инфра-М; Весь мир, 2000. С. 164–227.

Солдатова, Войсунский 2021 – Солдатова Г.У., Войсунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450.

Хайдеггер 1986 – Хайдеггер М. Вопрос о технике / пер. с нем. В.В. Бихина // Новая технократическая волна на западе / сост. П.С. Гуревич. – М.: Прогресс, 1986. С. 45–67.

Ahmad et al. 2023 – Ahmad S.F., Han H., Alam M.M., Rehmat M., Irshad M., Arraño-Muñoz M., Ariza-Montes A. Impact of Artificial Intelligence on Human

Loss in Decision Making, Laziness and Safety in Education // Humanities and Social Sciences Communications. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 1–14.

Amoore 2020 – *Amoore L.* Cloud Ethics: Algorithms and the Attributes of Ourselves and Others. – Durham: Duke University Press, 2020.

Beer 2016 – *Beer D.* Metric Power. – London: Palgrave Macmillan UK, 2016.

Carr 2014 – *Carr N.* The Glass Cage: How Our Computers are Changing Us. – New York: W.W. Norton & Company, 2014.

Cheney-Lippold 2011 – *Cheney-Lippold J.* A New Algorithmic Identity: Soft Biopolitics and the Modulation of Control // Theory, Culture & Society. 2011. Vol. 28. No. 6. P. 164–181.

Computational Creativity... 2019 – Computational Creativity: The Philosophy and Engineering of Autonomously Creative Systems / ed. by T. Veale, F.A. Cardoso. – Cham: Springer, 2019.

Couldry, Mejias 2019 – *Couldry N., Mejias U.A.* The Costs of Cnnection: How Data is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism. – Stanford: Stanford University Press, 2019.

Ellul 1964 – *Ellul J.* The Technological Society. – New York: Vintage Books, 1964.

Ellul 1980 – *Ellul J.* The Technological System. – New York: Continuum Publishing, 1980.

Floridi 2019 – *Floridi L.* The Ethics of Artificial Intelligence. – Oxford: Oxford University Press, 2019.

Goodfellow 2024 – *Goodfellow P.* The Distributed Authorship of Art in the Age of AI // Arts. 2024. Vol. 13. No. 5. Article 149.

Hughes 2001 – *Hughes J.* The Deskilling of Teaching and the Case for Intelligent Tutoring Systems // Journal of Ethics and Emerging Technologies. 2001. Vol. 31. No. 2. P. 1–16.

Illouz 2007 – *Illouz E.* Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism. – Cambridge: Polity, 2007.

Illouz 2018 – *Illouz E.* Emotions as Commodities: Capitalism, Consumption and Authenticity. – London: Routledge, 2018.

Jin 2020 – *Jin D.Y.* Artificial Intelligence in Cultural Production: Critical Perspectives on Digital Platforms. – London: Routledge, 2020.

Kapp 1877 – *Kapp E.* Grundlinien einer Philosophie der Technik. Zur Entstehungsgeschichte der Cultur aus neuen Gesichtspunkten. – Braunschweig: Georg Westermann, 1877.

Mejias, Couldry 2019 – *Mejias U.A., Couldry N.* Datafication // Internet Policy Review. 2019. Vol. 8. No. 4. P. 1–10.

Miller 2019 – *Miller A.I.* The Artist in the Machine: The World of AI-Powered Creativity. – Cambridge: MIT Press, 2019.

Nieborg, Poell 2018 – *Nieborg D.B., Poell T.* The Platformization of Cultural Production: Theorizing the Contingent Cultural Commodity // New Media & Society. 2018. Vol. 20. No. 11. P. 4275–4292.

Noble 2018 – *Noble S.U.* Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism. – New York: NYU Press, 2018.

Perrotta, Williamson 2016 – *Perrotta C., Williamson B.* The Social Life of Learning Analytics: Cluster Analysis and the ‘Performance’ of Algorithmic Education // Learning, Media and Technology. 2016. Vol. 43. No. 1. P. 3–16.

Rosa 2013 – *Rosa H.* Social Acceleration: A New Theory of Modernity. – New York: Columbia University Press, 2013.

Simon 1971 – *Simon H.A.* Designing Organizations for an Information-Rich World // Computers, Communications, and the Public Interest / ed. by M. Greenberger. – Baltimore: Johns Hopkins Press, 1971. P. 37–72.

Striphas 2015 – *Striphas T.* Algorithmic Culture // European Journal of Cultural Studies. 2015. Vol. 18. No. 4–5. P. 395–412.

- van Dijck et al. 2018 – *van Dijck J., Poell T., de Waal M.* The Platform Society: Public Values in a Connective World. – Oxford: Oxford University Press, 2018.
- Williams 2018 – *Williams J.* Stand Out of Our Light: Freedom and Resistance in the Attention Economy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- Yeung 2017 – *Yeung K.* ‘Hypernudge’: Big Data as a Mode of Regulation by Design // *Information, Communication & Society*. 2017. Vol. 20. No. 1. P. 118–136.
- Zuboff 2019 – *Zuboff S.* The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. – New York: Public Affairs, 2019.

REFERENCES

- Ahmad S.F., Han H., Alam M.M., Rehmat M., Irshad M., Arraño-Muñoz M., & Ariza-Montes A. (2023) Impact of Artificial Intelligence on Human Loss in Decision Making, Laziness and Safety in Education. *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 10, no. 1, pp. 1–14.
- Amoore L. (2020) *Cloud Ethics: Algorithms and the Attributes of Ourselves and Others*. Durham: Duke University Press.
- Beer D. (2016) *Metric Power*. London: Palgrave Macmillan UK.
- Budanov V.G. (2023) Anthroposocial Challenges of Artificial Intelligence Expansion. *Proceedings of the Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences*. Vol. 3, no. 2, pp. 23–31 (in Russian).
- Budanov V.G. (2024) Technosubject and Anthroposocial Challenges of Human–Artificial Intelligence Interaction: Synergy, Demarcation, New Rationality, and Risks. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 3, pp. 27–52 (in Russian).
- Carr N. (2014) *The Glass Cage: How Our Computers Are Changing Us*. New York: W.W. Norton & Company.
- Cheney-Lippold J. (2011) A New Algorithmic Identity: Soft Biopolitics and the Modulation of Control. *Theory, Culture & Society*. Vol. 28, no. 6, pp. 164–181.
- Couldry N. & Mejias U.A. (2019) *The Costs of Connection: How Data Is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism*. Stanford: Stanford University Press.
- Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society”). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 140–159 (in Russian).
- Ellul J. (1964) *The Technological Society*. New York: Vintage Books.
- Ellul J. (1980) *The Technological System*. New York: Continuum Publishing.
- Floridi L. (2019) *The Ethics of Artificial Intelligence*. Oxford: Oxford University Press.
- Goodfellow P. (2024) The Distributed Authorship of Art in the Age of AI. *Arts*. Vol. 13, no. 5, article 149.
- Heidegger M. (1986) The Question Concerning Technology (V.V. Bikhin, Trans.). In: Gurevich P.S. (Comp.) *The New Technocratic Wave in the West* (pp. 45–67). Moscow: Progress (Russian translation).
- Hughes J. (2001) The Deskillings of Teaching and the Case for Intelligent Tutoring Systems. *Journal of Ethics and Emerging Technologies*. Vol. 31, no. 2, pp. 1–16.
- Illouz E. (2007) *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge: Polity.
- Illouz E. (2018) *Emotions as Commodities: Capitalism, Consumption and Authenticity*. London: Routledge.
- Jin D.Y. (2020) *Artificial Intelligence in Cultural Production: Critical Perspectives on Digital Platforms*. London: Routledge.

Kapp E. (1877) *Grundlinien einer Philosophie der Technik. Zur Entstehungsgeschichte der Cultur aus neuen Gesichtspunkten*. Braunschweig: Georg Westermann (in German).

Kazaryan A.Yu. (2023) Artificial Intelligence in the Processes of Education and Training, Positive and Negative Sides. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. No. 11-2, pp. 214–216 (in Russian).

Marcuse H. (1994) *One-Dimensional Man* (A. Yudin, Trans.). Moscow: REFL-book (Russian translation).

Mejias U.A. & Couldry N. (2019) *Datafication. Internet Policy Review*. Vol. 8, no. 4, pp. 1–10.

Miller A.I. (2019) *The Artist in the Machine: The World of AI-Powered Creativity*. Cambridge: MIT Press.

Nieborg D.B. & Poell T. (2018) The Platformization of Cultural Production: Theorizing the Contingent Cultural Commodity. *New Media & Society*. Vol. 20, no. 11, pp. 4275–4292.

Noble S.U. (2018) *Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism*. New York: NYU Press.

Ortega y Gasset J. (2000) Reflections on Technology. In: Ortega y Gasset J. *Selected Works* (pp. 164–227). Moscow: Infra-M; Ves' mir (Russian translation).

Perrotta C. & Williamson B. (2016) The Social Life of Learning Analytics: Cluster Analysis and the 'Performance' of Algorithmic Education. *Learning, Media and Technology*. Vol. 43, no. 1, pp. 3–16.

Rosa H. (2013) *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. New York: Columbia University Press.

Simon H.A. (1971) Designing Organizations for an Information-Rich World. In: Greenberger M. (Ed.) *Computers, Communications, and the Public Interest* (pp. 37–72). Baltimore: Johns Hopkins Press.

Soldatova G.U. & Voiskunsky A.E. (2021) Socio-Cognitive Concept of Digital Socialization: A New Ecosystem and Social Evolution of the Psyche. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 18, no. 3, pp. 431–450 (in Russian).

Striphas T. (2015) Algorithmic Culture. *European Journal of Cultural Studies*. Vol. 18, no. 4–5, pp. 395–412.

van Dijck J., Poell T., & de Waal M. (2018) *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. Oxford: Oxford University Press.

Veale T. & Cardoso F.A. (Eds.) (2019) *Computational Creativity: The Philosophy and Engineering of Autonomously Creative Systems*. Cham: Springer.

Williams J. (2018) *Stand Out of Our Light: Freedom and Resistance in the Attention Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Yeung K. (2017) 'Hypernudge': Big Data as a Mode of Regulation by Design. *Information, Communication & Society*. Vol. 20, no. 1, pp. 118–136.

Zuboff S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: Public Affairs.